
УЧИТЕЛЮ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Д.Н. МУРИН

**«КОГДА
Я ДУМАЮ
О БЛОКЕ...»**

Дмитрий Николаевич Мурин

Когда я думаю о Блоке...

Серия «Учителю русской литературы»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54815958
Когда я думаю о Блоке...: Страта; Санкт-Петербург; 2019
ISBN 978-5-907127-50-0

Аннотация

Книга «Когда я думаю о Блоке...» рассматривает лирику поэта, поэму «Двенадцать» на фоне суждений филологов, историков литературы о символизме и воспоминания современников о его личности. Сквозь лирическую призму книга предлагает проникнуть в сложный и противоречивый мир души поэта, а также увидеть существенные факты отношений Блока с теми женщинами, чувство к которым перелилось в поэтические строки.

Поскольку книга адресована главным образом учителям средней школы, ученикам-старшеклассникам и студентам-филологам, в ней есть глава, касающаяся методов изучения лирики и содержащая творческие задания.

Поэтическую строку, ставшую названием книги, автор встретил не только в стихотворении Е. Евтушенко, но и у литератора Р. В. Иванова-Разумника, у поэта Вс. Рождественского.

Прошло 100 лет со времени написания поэмы «Двенадцать». Приближается 100-летняя годовщина со дня смерти поэта, а стихи его не потонули в реке времен, они продолжают жить в русской национальной культуре.

Содержание

Автор – читателям	6
Кто вы, Александр Александрович?	10
Блок глазами современников	10
Символисты, символ, символизм	25
И очи синие бездонные	33
К. М. С. в жизни и творчестве Блока	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дмитрий Мурин

Когда я думаю о Блоке...

© Мурин Д. Н., текст, 2019

© «Страта», 2019

* * *

*И в памяти черной пошарив, найдешь
До самого локтя перчатки,
И ночь Петербурга. И в сумраке лож
Тот запах и душистый и сладкий.
И ветер с залива. А там, между строк,
Мишуа и ахи и охи,
Тебе улыбнется презрительно Блок –
Трагический тенор эпохи.*

Анна Ахматова

Автор – читателям

В августе 2021 года исполнится 100 лет со дня смерти Александра Александровича Блока. За минувшее столетие десятки книг и сотни статей основательно исследовали творческое наследие поэта. Книга «Когда я думаю о Блоке...» не претендует на новое слово о поэте, но это и не «повторение пройденного». Автор исходил из двух предположений. Далеко не все книги о Блоке могут оказаться в районной или городской библиотеке небольшого городка, не говоря уже о библиотеке школьной. Не всегда даже в книгах именитых блоковедов упомянуты факты биографии, на которые опирается лирика поэта. Далеко не всегда учёные всматриваются в блоковское слово для выявления смысла. Для чтения и понимания стихов Блока это важно. «Он часто непонятен другим и себе, этот лунатик лиризма» (Ю. Айхенвальд). «Слово представало читателю не только как многозначное, но как многозначительное, суггестивное. Эта поэтическая система приучала своего читателя воспринимать каждое слово как выражение неких глубинных значений, часто до конца не прояснённых» (З. Минц). В книге делается попытка контекстуальной интерпретации, «расшифровки» слов, от которых зависит восприятие и понимание стихов.

Далеко не все циклы трёх томов рассмотрены в книге, далеко не все рассмотренные попадут непосредственно на

урок. Но учитель должен достаточно полно представлять себе картину лирической ленты Мёбиуса, где внешнее становится внутренним и наоборот. Блок «черпает содержание своих стихов из глубины своей души» (В. Брюсов). Из всего этого многословья и многостишья учитель выберет то, что интересно и нужно знать его ученикам.

Хорошо известно, что Блок прошёл жизненным и творческим путём «среди революций». Не менее известен, но чётко не сформулирован одновременный путь поэта среди женщин. В книге четыре главные любовные истории, отразившиеся в творчестве, собраны вместе и рассмотрены в единстве жизненных фактов и перевоплощения их в поэзию. В книге рассматриваются также стержневые циклы лирики II тома – «Пузыри земли», «Город» и III тома «Страшный мир», «Родина». Разбор поэмы «Двенадцать» в форме комментированного чтения завершает аналитическую часть книги.

В книге есть два отступления от традиционной трактовки жизни и творчества поэта. Автор категорически разводит образ Прекрасной Дамы с личностью Любови Дмитриевны. Обоснование этого шага – стихи поэта. В цикле «Стихи о Прекрасной Даме» Блок нигде не сближает образ реальной девушки с золотистой косой с бестелесным и незримым образом Вечной женственности, Души мира.

Автор вместе с некоторыми другими исследователями не абсолютизирует понятие «лирический герой», даже сомне-

вається в його правомірності. Думається, що ці сумнівня латентно присутні в об'ясненнях цього поняття Л. Долгополовим. Він пише, що ліричний герой – це «концентроване вираження особистості самого поета в її символічному і обобщеному вираженні». І далі: «Ліричний герой, яким він склався в поезії Блока – це образ поета...». Цю думку, як представляється, підтверджує і сам Блок: «Я вже зробив власну життя мистецтвом (тенденція, проходить дуже яскраво через все європейське декадентство). По зауваженню Томашевського, символисти схильні до «біографічного ліризму» в своїй творчості. Однак про «ліричного героя» Бальмонта або Андрія Білого, здається, ніхто не писав. Е. Еткінд вважає, що введення поняття «ліричний герой» «спричинило формалізацію знань про літературу... а не розумінню значення мистецтва». Звертаючись до поняття «ліричний герой» багато дослідників опираються на висловлювання Блока про те, що його «трилогія» – «роман у віршах», і це логічно. Але у поета є і інше об'яснення «трилогії»: «Це *дневник*, в якому Бог дозволив мені висловитися віршами» (курсив мій. – Д. М.). Думається, що «дневник» означає подієву запис, а не вказує на форму роману. Не випадково ж датування всіх віршів поета. Дуже тонко і правильно зауважив А. Кушнер, що «ліричний герой – лірична маска (курсив мій – Д. М.) рідко так точно, майже не залишаючи зазору, накладається на обличчя поета». Автор ризикує

приподнять эту маску и прочесть многие стихи как страницы лирического дневника, поэтому он уклоняется от понятия «лирический герой» в главах книги, связанных с именами любимых женщин поэта К. М. Садовской, Н. Н. Волоховой, Л. А. Дельмас и допускает его в рассмотрении циклов, где «сюжет чувств» опирается (в разной степени) на объективную (и субъективно воспринятую) реальность. В главах книги, где речь идёт о любви Блока к реальным женщинам, к мистической Прекрасной Даме и косвенно связанной с ней Л. Д. Менделеевой, есть необходимость включения биографических материалов и фактов, касающихся личности персонажей. В других главах биографические подтексты исключены.

Книга «Когда я думаю о Блоке...» не является методическим пособием, но и не исключает некоторые методические ориентиры, указанные как в отборе поэтического материала, биографических фактов, так и в отдельной главе «Восприятие и анализ лирического стихотворения».

Память о Блоке живёт не только в научных и школьных штудиях, но и в стихотворениях, адресованных поэту. Некоторые из них завершают книгу. Она написана для учителей, моих коллег, для студентов филологических факультетов, которые придут в школу, и для всех, кому имя Блока «Звук понятный и знакомый / Не пустой для сердца звук!».

Дмитрий Мурин

Кто вы, Александр Александрович?

Блок глазами современников

*Как памятник началу века
Здесь этот человек стоит.*

А. Ахматова

«Кто вы, Александр Александрович?.. Перед гибелью, перед смертью, Россия сосредоточила на вас все свои самые страшные лучи, – и вы за неё, во имя её, как бы образом её сгораете. Что мы можем? Что могу я, любя вас? Потушить – не можем, а если и могли бы, права не имеем: таково ваше высокое избрание – гореть. Ничем, ничем помочь вам нельзя».

Е. Ю. Кузьмина-Караваева

«Саша был в то время действительно очень хорош. Красота его черт в соединении с матовым цветом лица, блистающей свежестью ещё более оттенялась пышными золотыми кудрями. Светлые глаза, уже подёрнутые мечтательной грустью, по временам сияли чисто детским весельем. Держался он очень прямо

и был несколько неподвижен, особенно в обществе старших. На многих портретах он кажется брюнетом, на самом же деле он был настоящий блондин с очень белой кожей и зеленоватыми глазами. Его брови и длинные ресницы были того же цвета, как волосы, которые с годами значительно потемнели и приняли пепельный оттенок. Прибавлю, что облик его был исполнен врождённого изящества и благородства и вполне соответствовал его духовному содержанию и характеру».

М. А. Бекетова. 1900 г.

«Этот мальчик, кудрявый, нежный и поэтический, этот баловень и капризник, такой восхитительный в хорошие минуты и такой невыносимый и тяжёлый в дурные – составляет наше (с матерью – Д. М.) мучение и радость. Тётка поэта пишет это не о ребёнке, а о юноше, даже молодом человеке. Ему 23 года, а в дневниках М. А. Бекетова называет его „дитя“, „детка“; у него „головёнка“, „личико“; он „шалил“. Все мемуаристы пишут о „холодной“ внешности Блока. Точнее всех – Любовь Дмитриевна: „Холодом овеваны светлые глаза с бледными ресницами, не оттенённые слабо намеченными бровями“. Юный Блок держал себя „под актёра“ (Далматова), смотрел на окружающих свысока, аффективно курил. „В разговоре вставлял при каждом случае фразу: О, yes, mein Kind“. Он был фатоватым, но ловким кавалером: „Фат с рыбьим темпераментом и глазами“, – скажет

в минуту раздражения Любовь Дмитриевна. В нём был „такой же источник радости и света, как и отчаяния и пессимизма“ (Л. Д. Блок). Когда в марте 1900 года Любовь Дмитриевна встретится с ним в театре, то „это был уже совсем другой Блок. Проще, мягче, серьёзней... В отношении со мной – почти не скрываемая почтительная нежность и покорность“».

М. А. Бекетова, Л. Д. Блок. 1937–1939 гг.

«О день роковой для Блока и для меня. Как прост он был и ясен! После обеда, который в деревне у нас кончался около двух часов, поднялась я в свою комнату во втором этаже и только что собралась сесть за письмо – слышу рысь верховой лошади. Уже зная бессознательно, что это Саша Бекетов из Шахматова, подхожу к окну. Меж листьев сирени мелькает белый конь, да невидимо звенят по каменному полу террасы быстрые, твёрдые, решительные шаги. Сердце бьётся тяжело и глухо. Предчувствие? Или что? Но эти удары сердца я слышу и сейчас, и слышу звонкий шаг входившего в мою жизнь.

Даже руки наши не встретились, и смотрели мы прямо перед собою. И было нам 16 и 17 лет».

Л. Д. Блок. 1937–1939 гг.

«Никогда, ни в каком девичьем лице я не видела такого выражения невинности, какое было у неё. Это полудетское, чуть скуластое, красивое по чертам лицо было прекрасно. А его лицо – это лицо человека, увидевшего небесное видение. И я поняла: дальше

могла быть целая жизнь трагических и непоправимых ошибок, падений, страданий, но незабвенно было для поэта единственное – то, что когда-то открылось ему в этой девочке».

Н. Павлович

«В тот весенний день я увидел человека роста значительно выше среднего; я сказал бы: высокого роста, если бы не широкие плечи и не крепкая грудь атлета. Гордо, свободно и легко поднятая голова, стройный стан, лёгкая и твёрдая поступь. Лицо, озарённое из глубины, бледно-твёрдые и нежные – зеленоватых, с оттенком северного неба, глаз. Волосы слегка вьющиеся, не длинные и не короткие, светло-орехового оттенка. Под ними – лоб широкий и смуглый, как бы опалённый заревом мысли, с поперечной линией, идущей посередине. Нос прямой, крупный, несколько удлинённый. Очертания рта твёрдые и нежные – и в уголках его едва заметные в то время складки. Взгляд спокойный и внимательный, остро и глубоко западающий в душу. В матовой окраске лица, как бы изваянного из воска, странное в гармоничности своей сочетание юношеской свежести с какою-то изначальной древностью. Такие глаза, такие лики, страстно-бесстрастные, – на древних иконах; такие профили, прямые и чёткие, – на уцелевших медалях античной Эпохи. В сочетании прекрасного лица со статною фигурой, облечённой в будничный наряд современности – тёмный пиджачный костюм

с чёрным бантом под стоячим воротником – что-то говорящее о нерусском севере, может быть – о холодной и таинственной Скандинавии».

В. А. Зоргенфрей. 1906 г.

«„Не городской” Блок стал более городским, „Заревой” – более ночным. Воздушный – более земным, рождённым в бытии земли. Сходя в ночь, на землю, ночью рождается он на земле. Теперь уже нет в нём той прежней „заоблачной” грусти вечерней „перекрёстка” и „распутья”, нет „грустящего” ни в нём – ни о нём... ибо вступая в новый круг, он чувствовал себя бодро».

Е. П. Иванов

«Сдержанность манер стала граничить с некоторой чопорностью, но была свободна от всякой напряжённости и ничуть не обременяла ни его, ни других. Основная особенность его поведения состояла в том, что он был совершенно одинаково учтив со всеми, не делая скидок и надбавок ни на возраст партнёра, ни на умственный его уровень, ни на социальный ранг.

На нём чёрный корректный сюртук, крахмальный стоячий воротничок, тёмный галстук. Студенческая щеголеватость сменилась петербургским умением носить штатское платье. Ничего богемного, ничего похожего на литературный мундир. Никакого парнасского грима. И тем не менее наружность его в то время была такова, что каждый узнал бы в нём поэта».

Г. Блок

«В своём длинном сюртуке, с изысканно-небрежно повязанным мягким галстуком, в нимбе пепельно-золотых волос, он был романтически прекрасен тогда, в шестом-седьмом году. Он медленно выходил к столику со свечами, обводил всех каменными глазами и сам окаменевал, пока тишина не достигала беззвучия. И давал голос, мечтательно хорошо держа строфу и чуть замедляя темп на рифмах. Он завораживал своим чтением, и когда кончал стихотворение, не меняя голоса, внезапно, всегда казалось, что слишком рано кончилось наслаждение, и нужно было ещё слышать. Под настойчивыми требованиями он иногда повторял стихи. Все были влюблены в него, но вместе с обожанием точили яд разложения на него».

«Этот голос, это чтение, *может быть единственное в литературе*, потом наполнилось страстью – в эпоху „Снежной маски“, потом мучительностью в дни „Ночных часов“, потом смертельной усталостью – когда пришло „Возмездие“. Но ритм всю жизнь оставался всё тот же, и та же всегда была напряжённость горения. Кто слышал Блока, тому нельзя слышать его стихи в другом чтении».

С. Городецкий. 1907 г.

«Читая он стоял, немного нагнувшись вперёд, опираясь на стол кончиками пальцев. Жестов он почти не делал... Он очень точно и отчётливо произносил окончания слов. При этом разделяя слова небольшими паузами. Чтение его было строго ритмично, но он

никогда не „пел” своих стихов и не любил, когда „пели” другие».

Н. Павлович

«Очень прямой, немного надменный, голос медленный, усталый, металлический. Тёмно-медные волосы, лицо не современное, а будто со средневекового надгробного памятника. Из камня высеченное, красивое и неподвижное. Читает стихи, очевидно новые, – „По вечерам над ресторанами”, „Незнакомка”. И ещё читает...»

Е. Ю. Кузьмина-Караваева. 1906 г.

«Ремесло поэта не наложило на него печати. Никогда – даже в последние трудные годы – ни пылинки на свежевыутюженном костюме, ни складки на пальто, вешаемом дома не иначе как на расправку. Ботинки во всякое время начищены; бельё безукоризненной чистоты; лицо побрито, и невозможно его представить иным...»

В. А. Зоргенфрей. 1906 г.

«Помимо идей, параллельно с теорией, шла тогда весьма сложная запутанная жизнь. Чувство „катастрофичности” овладело поэтами с поистине изумительной, ничем не преборимую силою. Александр Блок воистину был тогда персонификацией катастрофы. И в то время, как я и Вяч. Иванов, которому я чрезвычайно обязан, не потеряли ещё уверенности, что жизнь определяется не только

отрицанием, но и утверждением, у Блока в душе не было ничего, кроме всё более и более растущего огромного „нет”. Он уже тогда ничему не говорил „да”, ничего не утверждал, кроме слепой стихии, ей одной отдаваясь и ничему не веря. Необыкновенно точный и аккуратный, безупречный в своих манерах и жизни, гордо вежливый, загадочно красивый, он был для людей, близко его знавших, самым растревоженным, измученным и в сущности уже безумным человеком. Блок уже тогда сжёг свои корабли».

Г. Чулков. 1906 г.

«Безмятежность не была ему свойственна, всякий бунт, искание новых путей, бурные порывы – вот то, что взял он от матери. Да отчасти и от отца. И неужели было бы лучше, если бы она передала ему только ясность, спокойствие и тишину? Тогда бы Блок не был Блоком, и его поэзия потеряла бы тот острый характер, ту трагическую ноту, которая звучит в ней с такой настойчивостью».

М. А. Бекетова

«Блок в своём существе поэта был строг и даже суров, но у него был весёлый двойник, который ничего не хотел знать о строгом поэте с его высокой миссией. Они были раздельны. Вдохновенный вздор, словесную игру заводил с нами этот другой Блок, который был особенно близок мне. Ему самому тоже всегда хотелось шутить и смеяться в моём присутствии. Н. Н. Волохова и Любовь Дмитриевна говорили, что мы вдохновляем

друг друга».

В. П. Веригина. 1906 г.

«Блок внутренне находился в непрерывном движении. Как поэт и как человек, он рос медленно, но безостановочно. Он всё время менялся.

Было в нём, впрочем, и кое-что, так сказать, постоянное, не зависящее от возраста. Таков был его смех, очень громкий, ребячливый и заразительный. Но он раздавался редко и только в очень тесном кругу.

Такова же была его улыбка. Она несла другую, более ответственную функцию, чем смех. Особенность блоковской улыбки заключалась в том, что она преображала его коренным образом. Лицо, обычно довольно длинное и узкое, тускловатое по расцветке, словно подёрнутое пеплом, становилось короче и шире, пестрее и ярче. Глаза светлели ещё более, вокруг них ложились какие-то новые, глубокие, очень тёплые тени и сверкал почти негритянской белизной ровный ряд крепких зубов. Улыбка, как и смех, была очень наивная, ласковая и чистая».

Г. Блок. 1908 г.

«А. А. всегда говорил своим особенным языком, метким и чётким, как напряжённая стихотворная строчка, языком, поворачивающим вдруг на такой ритм мысль, что, в процессе уловления этого ритма, наблюдались трудно запоминаемые, как стихи, тексты его фраз. Наконец, у нас был свой жаргон, и многие словечки этого жаргона требовали чуть ли не историко-

литературных комментариев».

Андрей Белый

«Особенно пленительны были жесты Блока, едва заметные, сдержанные, строгие, ритмичные. Он был вежлив, как рыцарь, и всегда и со всеми ровен. Он всегда оставался самим собою – в светском салоне, в кружке поэтов или где-нибудь в шантане, в обществе эстрадных актрис. Но в глазах Блока, таких светлых и как будто красивых, было что-то неживое – вот это, должно быть, и поразило Сомова. Поэту как будто сопутствовал ангел или демон смерти».

Г. Чулков

«Было в нём нечто эпохальное и потому-то, когда он входил в то или иное общество, сидел, молчал, наиболее чуткие воспринимали это молчаливое присутствие Блока, как присутствие Эпохи и как Чело Века, действующего в этом прекрасном челе, перерезанном строгою морщиной сосредоточенной боли. И молчание этих скорбно изогнутых сжатых уст и несколько надменно закинутая голова – всё действовало как Слово, которое нужно было переживать во многих словах, статьях, идеологиях».

Андрей Белый. 1912 г.

«Как ледяное изваяние, к которому ничего пошлое не могло пристать, стоял Блок, один, среди пёстрого общества художников, литераторов и поэтов. Он неизменно оставался „самим собой“. Малейшие

крупницы пошлости болезненно раздражали его. Вполне понятно, что то же самое испытывали и те, кто часто общался с Блоком. Он был для них маяком, предостерегающим, освещающим тривиальность и мелкое».

В. П. Веригина. 1913 г.

«Юмор А. А. был чисто английский: он выговаривал с совершенно серьёзным лицом нечто, что вызывало шуточные ассоциации, и не улыбался, устремив свои большие бледно-голубые глаза перед собой».

Андрей Белый

«Но Блок никогда не был способен к прочным и твёрдо очерченным идейным настроениям. „Геометризм“, свойственный в значительной мере Вл. Соловьёву, был совершенно чужд Блоку <...>. Ему надобен был мятеж. Но чем мятежнее и мучительнее была внутренняя и внешняя жизнь Блока, тем настойчивее пытался он устроить свой дом уютно и благообразно. У Блока было две жизни – бытовая, домашняя, тихая и другая – безбытная, уличная, хмельная».

Г. Чулков. 1912 г.

«После утомительной прогулки по свежему воздуху нам мучительно хотелось спать. Попав в тёплый вагон, мы сперва с трудом боролись с одолевавшей нас дремотой, а затем, кое-как всё же переборов сонное настроение, затеяли какую-то игру. Ал. Ал.

изоцрялся больше всех, и его громкий заразительный хохот покрывал собой голоса остальных. В подобные минуты бурной весёлости Блок бывал неузнаваем и своей безудержной резвостью становился похож на ребёнка. Его лицо, обычно напоминавшее собой застывшую маску, мгновенно преображалось, и в холодных, стальных глазах начинали бегать задорные огоньки.

Как мало людей, даже близко знавших Блока, видели его таким».

М. В. Бабенчиков. 1912 г.

«... Мы в ночном притоне, за кособоким столиком, на скатерти которого, по выражению Щедрина, „не то ели яичницу, не то сидело малое дитяти”. И перед нами чайник с „запрещённой водкой”. Улицы, по которым мы шли сюда, были все в мелком дожде. Продавцы газет на Невском кричали о „фронте”, о „больших потерях германцев”, о „подвигах казацкого атамана”. И всё это газетно, неверно, преувеличено – ради тиража. На улицах холодно, сыро и мрачно. И мы мрачные.

– Придётся мне ехать на войну, – сказал Блок.

– А нельзя ли как-нибудь... – начал я, распытывая его взглядом.

– Об этой подлости и я подумывал, да решил, что не нужно. Ведь вот вы занимаетесь какими-то колёсами военного образца, так почему же и мне не надо ехать что-нибудь делать на фронте. А по-моему, писатель должен идти прямо в рядовые, не ради патриотизма. А

ради самого себя.

И тут же глоток водки из грязной чашки».

Павел Сухотин. 1914 г.

«В своей выцветшей, поношенной, но всегда опрятной и хорошо пригнанной гимнастёрке он напоминал рядового бойца, только что пришедшего с фронта.

Он сильно похудел. В углах рта залегла горечь. Резко очерченный профиль обострился. Но взгляд стал твёрже, движения чётче и определённое. Основным импульсом жизни Блока в то время был долг».

М. В. Бабенчиков. 1917 г.

«В те дни хранил он, как всегда, внешнее спокойствие, и только некоторая страстность интонации обличала волнение. Круг его знакомств, деловых и дружеских, расширился и изменился; завязались отношения с представителями официального мира в лице новой художественно-просветительной администрации. Комиссариат по просвещению вовлёк его в сферу своей деятельности; вначале готовился он принять деятельное участие в грандиозном плане переиздания классической русской литературы, а затем начал работать в Театральном отделе, в должности председателя Репертуарной секции».

В. А. Зоргенфрей. 1918 г.

«Теперь он мало чем напоминал романтический портрет своей молодости. Глубокие морщины

симметрично легли у плотно сжатых губ, волосы стали реже и заметно потускнели, но всё также готовы были виться упрямыми кольцами, оставляя свободным высокий и прекрасный лоб. Лицо было тёмным, как бы навсегда сохранившим коричневый оттенок неизгладимого загара. Сквозило в этих глазах что-то неуловимо светлое, не побеждённое жизнью, и казалось, что этому суровому, мужественному лицу, несмотря на сумрачный отпечаток прожитых лет, свойственна вечная юность».

Вс. Рождественский. 1919 г.

«Огромная перемена произошла в его наружности за двенадцать лет. От бывлой „картинности” не осталось и следа. Волосы были довольно коротко подстрижены – длинное лицо и вся голова от этого казались больше, крупные уши выдались резче. Все черты стали суше – твёрже обозначились углы. Первое моё впечатление определилось одним словом: *опалённый*, и это впечатление подтверждалось несоответствием молодого, доброго склада губ и острых, старческих морщин под глазами. Он был в защитной куртке военного покроя и в валенках».

Г. Блок. 1920 г.

«Я увидел его в шесть часов вечера 8 августа на столе, в той же комнате на Офицерской, где провёл он последние месяцы своей жизни. Только что сняли с лица гипсовую маску. Было тихо и пустынно торжественно, когда я вошёл; неподалёку от

мёртвого, у стены, стояла, тихо плача, А. А. Ахматова; к шести часам комната наполнилась собравшимися на панихиду.

А. А. лежал в уборе покойника с похудевшим, изжелта-бледным лицом; над губами и вдоль щёк проросли короткие тёмные волосы; глаза глубоко запали; прямой нос заострился горбом; тело, облечённое в тёмный пиджачный костюм, вытянулось и высохло. В смерти утратил он вид величия и принял облик страдания и тлена, общий всякому мертвецу».

В. А. Зоргенфрей. 1921 г.

«Несли в открытом гробу на Смоленское кладбище. По дороге прохожие спрашивали: кого хоронят? Александра Блока. Многие вставали в ряды и шли вместе с нами».

Н. Павлович

СИМВОЛИСТЫ, СИМВОЛ, СИМВОЛИЗМ

Русский символизм явил себя едва ли не одновременно и теоретически, и практически. В 1903 году публикуется лекция Д. С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». В 1894–1895 годах выходят три выпуска тоненьких книжечек под названием «Русские символисты». Сего дня мы знаем, что большинство стихотворений в них принадлежит В. Брюсову. Любопытно, что уже в 1900 году он напишет по поводу сборников «Русские символисты» такие строки:

Мне помнятся и книги эти,
Как в полусне недавний день;
Мы были дерзки, были дети,
Нам всё казалось в ярком свете...
Теперь в душе и тишь и тень.
Далёко первая ступень.
Пять беглых лет – как пять столетий.

В истории русской литературы нет однозначности в группировке поэтических имён символистов.

«Три поколения поэтов-символистов мы можем различить в истории поэтического искусства за последнюю четверть века... Мы обозначим эти поколения именами поэтов-зачинателей: первое – именами Константина Бальмон-

та и Валерия Брюсова, второе – именами Вячеслава Иванова, Андрея Белого и Александра Блока, третье – именем М. Кузмина» (В. М. Жирмунский).

И. Н. Кондаков тоже видит «три волны» русского символизма. Но группировка имён иная. Первая волна – это Н. Минский, Д. Мережковский и З. Гиппиус. Вторая – В. Брюсов, К. Бальмонт, Ф. Сологуб. Третья – И. Анненский, Вяч. И. Иванов, А. Блок, А. Белый, Ю. Балтрушайтис и др.

Общепринятая точка зрения – две группы. «*Старшие символисты*. Основоположники направления... Д. С. Мережковский, В. Я. Брюсов, главный «декадент от символизма» Ф. К. Сологуб, а также жена Мережковского З. Н. Гиппиус... и, пожалуй, самый популярный (в ту пору – Д. М.) символист первого призыва К. Д. Бальмонт. *Младшие символисты*: А. А. Блок, Андрей Белый, Вяч. И. Иванов» (И. Н. Сухих).

Именно младосимволистов В. М. Жирмунский полагает символистами «в наиболее тесном и подлинном смысле». Для них «мир таинственен и чудесен, во всём конечном чувствуется дыхание бесконечного, бесконечное в мире и в душе человека. Символисты второго поколения – мистики».

«Все события, всё происходившее вокруг, эти юноши (Андрей Белый, С. Соловьёв, А. Блок. – Д. М.) воспринимали как таинственные символы, как прообразы чего-то высшего, и во всех явлениях повседневной жизни стремились разгадать их мистический смысл» (В. Брюсов).

Гуманитарные науки редко дают однозначные определения своим фактам и явлениям. Так обстоит дело и с понятием символа, хотя общая мысль проглядывает в разных интерпретациях.

Символ – это содержательный смысл в свёрнутом виде.

«Символы представляют собой один из наиболее устойчивых элементов культурного континуума», в символе «содержание лишь мерцает сквозь выражение, а выражение лишь намекает на содержание» (Ю. М. Лотман).

«Под реалистической подробностью скрывается художественный символ». «...Слова только определяют, ограничивают мысль, а символы выражают безграничную сторону мысли» (Д. С. Мережковский).

«Категория символа указывает на выход образа за собственные пределы, на присутствие некоего смысла, нераздельно связанного с образом, но ему не тождественного» (С. С. Аверинцев).

Символ у символистов – знак «иной, потусторонней действительности, не познаваемой разумом. Символ в поэзии символистов – это выражение сверхчувственной интуиции, которая является уделом лишь избранных. Лишь при помощи её поэт может проникнуть в сущность иной, мистифицированной действительности...» (А. А. Волков).

«Символ – это связующий знак познанного с непознанным, а может быть, и с непознаваемым» (Д. Н. Мурин).

Уже в момент зарождения символизма Мережковский

определил его суть: «...три главных элемента нового искусства: мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности».

О трёх ипостасях символизма писал и Жирмунский. Прокомментирую его мысль другими высказываниями.

Первая. Символизм как чувство жизни. Об этом В. Брюсов. Символизм «сознательно предаётся своему высшему и единственному назначению: быть познанием мира вне расщудочных форм, вне мышления по причинности».

Вторая. Символизм как мировоззрение. Об этом В. Ф. Ходасевич. «Символисты не хотели отделять писателя от человека, литературной биографии от личной». Символизм «...порывался стать жизненно-творческим методом». «Символизм упорно искал в своей среде гения, который сумел бы слить жизнь и творчество воедино». «Внутри каждой личности боролись за преобладание „человек” и „писатель”. Если талант литературный оказывался сильнее – „писатель” побеждал человека».

«События жизненные, в связи с неясностью, шаткостью линий, которыми для этих людей очерчивалась реальность, никогда не переживались, как *только и просто* жизненные: они тотчас становились частью внутреннего мира и частью творчества. Обратное: написанное кем бы то ни было становилось реальным, жизненным событием для всех».

Третья. Символизм как эстетическая культура. «В поэзии то, что не сказано и мерцает сквозь красоту символа, дей-

ствуется сильнее на сердце, чем то, что выражено словами. Символизм делает самый стиль, самое художественное вещество поэзии одухотворённым, прозрачным, насквозь просвечивающим, как тонкие стенки алебастровой амфоры, в которой зажжено пламя» (Д. С. Мережковский).

«Поэты-символисты... всегда овеяны дуновениями, идущими из области запредельного, и поэтому, как бы против их воли, за словами, которые они произносят, чудится гул ещё других, не их голосов, ощущается говор стихий, отрывки из хоров, звучащих в святая святых мыслимой нами Вселенной» (К. Бальмонт).

«...Поэтическое творчество символистов почти всегда являлось лирическим самовыражением» (Д. Е. Максимов).

«Символизм в поэзии – дитя города. Он культивируется и он растёт, заполняя творчество по мере того как сама жизнь становится всё искусственнее и даже фиктивнее. Символы рождаются там, где ещё нет мифов, но где уже нет веры. Символам просторно играть среди прямых каменных линий, в шуме улиц, в волшебстве газовых фонарей и лунных декораций...» (И. Ф. Анненский).

«... Символизм в искусстве – это особый способ видения и изображения жизни, в основе которого лежит идея раздвоения мира на „вещный“, постижимый на основе „закона основания“ (то есть ограниченности пространством и временем. – Д. М.), и „сущий“, который раскрывается через созерцание идеи». «В отличие от аллегии и метафоры, символ,

прежде всего, – знак, это знаковое выражение внутренней сути явлений, некий универсум» (Н. В. Тишунина).

«Все явления мира здешнего – клавиши, звонкие рычаги миров иных: ударишь по клавише – отзовется струна; коснёшься явления – ответит сущность» (Д. С. Мережковский).

«В лучшем, наиболее органическом, что русские символисты оставили, есть черта постоянная, объединяющая авторов различных: то, что определялось в те годы как „трепет“ и что было, в сущности, ожиданием какого-то огромного события, как бы уже нависшего над миром, катастрофы, счастья, „преображения жизни“, как тогда говорили, – „кто знал чего?“ Что породило это великое явление»? (Р. Тименчик).

«Мы переживаем кризис. Никогда ещё основные противоречия человеческого сознания не сталкивались в душе с такой остротой, никогда ещё дуализм между сознанием и чувством, созерцанием и волей, личностью и обществом, наукой и религией, нравственностью и красотой не был так отчётливо виден» (Андрей Белый).

«Для поэтов первого поколения... символизм был прежде всего освобождением от односторонней аскетической морали русской либеральной общественности. Из интеллигентского монастыря внезапно открылся выход в вольный и широкий мир...» (В. М. Жирмунский).

Встретил ли символизм критическое неприятие? Безусловно. Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко, А. П. Чехов, Максим Горький выступили против поэтических устремлений

символистов, или, как их тогда называли, декадентов, защищая классический реализм. «Их поэзия, их искусство нравятся только их маленькому кружку точно таких же ненормальных людей, каковы они сами» (Л. Толстой). Декадентство он оценивал, как «несомненный упадок цивилизации».

«Декаденты – люди, изнемогавшие от массы пережитых впечатлений, чувствующие в себе поэтические струны, но не имевшие в душе камертонов в виде какой-либо определённой идеи...» (Максим Горький).

«Лирика Блока символична, мистична, бесформенна, нереальна – но под собой она предполагает очень реальный быт, с определёнными формами и отношениями <...>. Эта лирика не переживёт своего времени и своего автора» (Л. Троцкий).

«Условный знак, символ, иероглиф суть понятия, вносящие совершенно ненужный элемент агностицизма» (В. И. Ленин).

Язвительные замечания современников вызвал знаменитый однострочник В. Брюсова «О закрой свои бледные ноги». Вл. Соловьёв, которого Жирмунский назвал первым русским символистом, написал: «Для полной ясности следовало бы, пожалуй, прибавить, „Ибо иначе простудишься“, но и без этого совет г. Брюсова, обращённый, очевидно, к особе, страдающей малокровием, есть самое осмысленное произведение всей символистской литературы...».

А. П. Чехов ехидно заметил: «И ноги у них (декадентов. –

Д. М.) не бледные, а такие же, как у всех, – волосатые».

«1910 год – это кризис символизма, о котором тогда очень много писали и говорили как в лагере символистов, так и в противоположном. В этом году явственно дали знать о себе направления, которые встали во враждебную позицию и к символизму, и друг к другу: акмеизм, эгофутуризм и первые начатки футуризма» (А. Блок).

На вопрос о символизме Блока есть простые и лаконичные ответы. «Блок был символистом до мозга костей» (Андрей Белый). «Блок, порой бунтовавший против символизма, был одним из чистейших символистов» (В. Ходасевич). «Блок редкий, по-моему, пример прирождённого символиста» (И. Ф. Анненский). Эти суждения подкрепляются самим поэтом.

«...Я уже сделал собственную жизнь искусством (тенденция, проходящая очень ярко через всё европейское *декадентство*)». О себе он написал: «Символистом можно родиться...»; «... мы, русские символисты...». Однако, оставаясь в русле символизма, Блок не мог остановить «подземного роста души». Реальное начинает соперничать с мистическим. Войдя в другую стихию, «...из болота – в жизнь...», он и её постигает посредством символа. Но символ теснит метафора. «Блок – поэт метафоры» (В. М. Жирмунский). «Метафоризм – стенография большой личности, скоропись её духа» (Б. Пастернак).

И очи синие бездонные

К. М. С. в жизни и творчестве Блока

Стихи его ни о чём не рассказывают, но все передают, потому что... его стихи не «о чём-то», а сами это «что-то».

Г. Адамович

В автобиографических материалах, напечатанных в 7-м томе собрания сочинений издания 1960 года, Александр Блок сообщает о себе: «Сын профессора Варшавского университета А. Л. Блока» (1905); «Потомственный дворянин» (1915). В «Автобиографии» напишет: «Семья моей матери причастна к литературе и науке» (1915). Здесь же о творчестве: «Сочинять я стал чуть ли не с пяти лет <...>. Серьёзное писание началось, когда мне было около 18 лет...». «Всё это были – лирические стихи...». А серьёзная любовь случилась в шестнадцать с половиной лет...

За всё время существования искусства, в том числе и поэтического, в нём выкристаллизовались так называемые «вечные темы»: жизнь и смерть, человек и природа, личность и история, хаос и космос, столкновение стихийных и разумных начал... В искусстве это диалектическое единство про-

тивоположностей воплощается по-разному. У А. С. Пушкина эти два начала стремятся к взаимодополнению, к слиянной цельности. У А. Блока, как и у Ф. М. Достоевского, они находятся в вечном борении, противостоянии. «Вечные» понятия, воплощённые в поэтических словах-символах, рассыпаны по всем художественным текстам в юношеском цикле Блока «Ante lucem» (1898-1900), которым открывается «трилогия вочеловечения». Здесь доминирует «живописание природы отвлечёнными общими словами из пушкинского словаря» (Б. Пастернак).

Название «Ante lucem» содержит в себе два смысла. Первый определяется понятием мирозерцания. «Земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною <...>. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы» (Бытие, I, 2-4). Чувство состояния мира в первые дни творения мистически присутствует у Блока в «живописании природы»:

Земля пустынна, ночь бледна,
Недвижно лунное сиянье,
В звёздах – немая тишина –
Обитель страха и молчанья...

Здесь «Ante lucem» можно перевести как «До света». Второй смысл названия связан с мотивом самосознания Блока: уже пишу стихи, но ещё не поэт.

Хоть всё по-прежнему певец

Далёких жизни песен странных
Несёт лирический венец
В стихах безвестных и туманных, –
Но к цели близится *поэт*,
Стремится, истиной влекомый,
И вдруг провидит новый свет
За далью, прежде незнакомой...

Этот мотив можно перевести как «Перед рассветом». «Ante lucem» – это движение мысли – чувства поэта через тьму к свету. При этом тьма мироздания равновелика тьме в душе поэта. Но он любит жизнь как природу в её первозданности и внутренним взором видит «какой-то свет», слиться с которым он мечтает. Контрапункт цикла можно определить известным латинским изречением: «Per aspera ad astra».

Зачем, зачем во мрак небытия
Меня влекут судьбы удары?
Ужели всё, и даже жизнь моя –
Одни мгновенья долгой кары?
Я жить хочу, хоть здесь и счастья нет,
И нечем сердцу веселиться,
Но всё вперёд влечёт какой-то свет,
И будто им могу светиться!
Пусть призрак он, желанный свет вдали!
Пускай надежды все напрасны!
Но там, – далёко суетной земли, –
Его лучи горят прекрасно!

Эпицентром цикла выступает стихотворение «Dolor ante lucem». На это указывает и повтор названия цикла, и его латинский язык.

Каждый вечер, лишь только погаснет заря,
Я прощаюсь, желанием смерти горя,
И опять, на рассвете холодного дня,
Жизнь охватит меня и измучит меня!

Я прощаюсь и с добрым, прощаюсь и с злым,
И надежда, и ужас разлуки с земным,
А наутро встречаюсь с землёю опять,
Чтобы зло проклинать, о добре тосковать!..

Боже, боже, исполненный власти и сил,
Неужели же всем ты так жить положил,
Чтобы смертный, исполненный жизненных грёз,
О тебе тосковать без отдыха нёс?..

Поэт ощущает себя на вечной границе между тьмой («погаснет заря») и светом («на рассвете холодного дня»). Жизнь человеческого духа равновелика жизни природы: вечная смерть и вечное возрождение. В этом её гармоническая дисгармония, то, что в «Стихах о Прекрасной Даме» будет определяться как «смыкание кругов». Для поэтики блоковской лирики характерно завершение «на самой высокой точке, к которой как бы стремится всё стихотворение» (Ю. Тыня-

нов).

Эволюция «сюжета чувств» в «Ante lucem» состоит в том, что постепенно в мир реальной земной природы вторгаются астральные мотивы, и на рассветно-закатном горизонте начинает мерещиться Она – будущая Прекрасная Дама.

...Устал звучать, смолкает звёздный хор.

Уходит ночь. Бежит сомненье.

Там сходишь Ты с далёких светлых гор.

Я ждал тебя. Я дух к тебе простёр.

В тебе – спасенье!

З. Г. Минц в статье «Символ у Блока», говоря о его ранних произведениях, находит в них «те же смысловые и грамматические модели символообразования, что и в последующем творчестве. Конкретизируя эту общую мысль, укажу на некоторые, не комментируя их.

«Поэтика контраста» как выражение двоимирия. Хромотопы и многозначность понятий «здесь» и «там». Парадоксальное сочетание «поэтизм» и «прозаизм». Прием повтора. Перетекание мотива из одного стихотворения в другое. Двойные эпитеты, анафоры, кольцевая композиция как знак «вечного возвращения». Трехчастность синтаксических повторов. Многочисленные «я», лишаящие стихи безличности, а возможно, и понятия «лирический герой». Музыка стиха в «неотразимо заразных ритмах», звукопись, «совокупность его пауз, аллитераций, ассонансов» (К.

Чуковский). Роль пунктуационных знаков и фигур умолчания в художественно-эмоциональном смысле стихотворений. Коннотативность слов-символов.

А как же любовь? Только три стихотворения цикла «Ante lucem» отмечены посвящением К. М. С. В некоторых других она присутствует как явь и как призрак. Кто же кроется за этими инициалами?

Май 1897 года. Курортный немецкий городок Бад-Наугейм. Сашура (так звали Блока в семье) сопровождает мать и тётку на воды, носит пледы, книги и зонтики. Ему хорошо: «Он был весел, смешил нас с сестрой шалостями и остроумиями» (М. А. Бекетова). Для этих двух женщин он всё ещё «дитя». А «дитя», которому шестнадцать с половиной лет, страстно и небезответно влюбилось.

«Это была высокая, статная, темноволосая дама с тонким профилем и великолепными синими глазами. Она была малороссиянкой, и её красота, щегольские туалеты и смелое завлекательное кокетство сильно действовали на юношеское воображение», – пишет М. А. Бекетова. Сначала тётка и мать посмеивались над «Дон Жуаном», но вскоре встревожились. «Тут начались капризы, мрачность – словом, все атрибуты влюблённости... Помню, он пришёл с вокзала, проводив свою красавицу. В руках у него была роза, подаренная на прощание. Он с расстроенным и даже несколько театральным видом упал в кресло, загрустил и закрыл лицо рукой...» Ревнивые женщины поняли, что «дитя» уходит из-

под их докучливой опеки. «Он ухаживал впервые, пропадал, бросал нас, был неумолим и эгоистичен» (М. А. Бекетова). Каждодневные букеты роз по утрам, преследование её взором из-за кустов, катание на лодке...

Оскорблённая в своей любви к племяннику, М. А. Бекетова всю вину за происходящее возлагает на даму. «Она помыкала им, кокетничала, вела себя дурно, бездушно и недостойно». «Красавица всячески старалась завлечь неопытного мальчика, но он любил её восторженной идеальной любовью, испытывая все волнения первой страсти». На самом деле было всё не совсем так. Юноша безумствовал, изливая на даму своё первое безудержное любовное чувство. Как сказали бы в театральном закулисье – рвал страсть в клочки. Он забрасывал её письмами, где называл не иначе как «Моё Божество», «моя лучезарная звезда, мой Бог, моё счастье и надежда». В одном из ранних писем Блок пишет: «Неужели Ты можешь думать, что я покину Тебя когда-нибудь. Ведь это значило бы похоронить все лучшие стремления, отдать всю жизнь действительной скучной жизни, всю молодость той скучной неприглядной молодости, которая меня ожидает».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.